

Душа Юн Ци была в смятении, юноша не знал, как поступить. Если не выполнить обещание, то несчастная матушка, заключённая в Холодном дворце, наверняка подвергнется злым нападкам наложницы Шу. А если выполнить, то это будет слишком жестоко по отношению к Юн Шаню, который любую мелочь принимал близко к сердцу и который так заботливо относится к нему.

Хоть письмо было удачно выкрадено, однако юноша совершенно не был этому рад.

Медленно покинув внутренние покои, Юн Ци внезапно услышал голос, полный радости:

— Старший брат Юн Ци!

Юноша поднял голову и, боясь поверить своим глазам, увидел весёлого Юн Линя, который прямо с порога бросился к нему. Чан Дэфу с недоверием следовал позади, желая остановить принца, однако так и не сделал этого.

— Юн Линь? Почему ты здесь?

— Захотел увидеть старшего брата и сразу же пришёл. — Юн Линь подбежал, и хоть на дворе вновь шёл снег, самому юноше было так жарко, что он даже покрылся испариной. Встав перед Юн Ци, он внезапно убрал улыбку с лица: — Что случилось со старшим братом? Ты плохо выглядишь. — Младший брат так же, как и Чан Дэфу, вытянул руку, желая всего лишь потрогать лицо Юн Ци.

Но старший брат не дал этого сделать. Оттолкнув руку Юн Линя, юноша сделал шаг назад и недовольно проговорил:

— Сколько тебе лет, почему при каждой встрече ты даёшь волю рукам? — И Юн Ци поморщился.

Юн Линь привык дурачиться с ним, однако сейчас, когда брат внезапно оттолкнул его руку, обомлел. Вспомнив, что вчера произошло, юноше, вопреки этому, стало неловко, и он больше ничего не сказал.

Юн Ци спросил:

— Ты почему здесь? Разве Юн Шань не говорил, что тебе запрещено здесь появляться?

Стоило юноше упомянуть об этом, как Юн Линь вновь оживился и спешно проговорил:

— Верить или нет, но старший брат Юн Шань внезапно всё осознал и дал обещание, позволив мне забрать тебя с собой.

Как только Юн Ци услышал эти слова, которые прозвучали словно гром среди ясного неба, его лицо резко изменилось:

— Он позволил тебе забрать меня с собой? Он... он дал обещание, но как?

— Ты не веришь? Чан Дэфу тоже не поверил. Он хотел преградить мне путь, закрыть ворота и не позволить мне пройти, этот подлец, гад.

Чан Дэфу, стоя в стороне, горько усмехнулся и извиняюще проговорил:

— Ваше Высочество Юн Линь, откуда у Вашего слуги столько собачьей смелости? Это Его Высочество наследный принц...

— Ты немного лицемерен! Если бы Юн Шань не отдал мне залог и не приказал своему слуге проводить меня, ты, негодяй, всё же восстав против императора и старших, выгнал бы меня взащей? Чан Дэфу, с твоими навыками ты неожиданно осмелился стать преградой на пути императорского сына.

Не обращая внимания на слугу, Юн Ци обратился к Юн Линю:

— Как Юн Шань мог ни с того ни с сего отдать тебе залог?

— А что в этом странного?! Моему старшему брату давно пора было образумиться и исправить свои ошибки. Если он изменится, вырастет над собой, то я по-прежнему буду считать его своим старшим братом, иначе... — гневно выпалил Юн Линь, но, обернувшись и увидев, что Чан Дэфу всё ещё находится рядом и никуда не собирается уходить, злобно вытаращился на него: — Ну и чего ради ты всё ещё здесь стоишь? Ждёшь, чтобы тебе задали трёпку? Скажу тебе, я не забыл вчерашние побои, которые ты мне задолжал, чуть позже я, разумеется, расквитаюсь с тобой сполна!

В эту минуту, когда слугу ругали на чём свет стоит, в комнату ворвался придворный евнух и сказал:

— Управляющий Чан, Его Высочество наследный принц отправил слугу передать, чтобы Вы пошли в кладовую, нашли там зелёный светильник с барельефом животного и доставили его Его Высочеству Юн Шэну. И ещё два дня назад была доставлена корона, украшенная кораллами и чаньчжи [1] в виде узла счастья. Доставьте её наложнице Цзинь.

— Сделаю сию минуту. — Чан Дэфу, который как раз попал в неловкое положение, выкрутился из него и спешно покинул братьев.

Так или иначе, у Юн Линя на руках был залог Юн Шаня, и слуга ничего не мог поделать с этим сыном императора.

Прогнав слугу, Юн Линь обратился к Юн Ци со словами:

— Этот тип далеко не хороший человек. Старший брат, ночь длинна, снов много [2], так что скорее идём со мной. Ни к чему собирать вещи, у меня полно их, считай, что возвращаешься домой, где будет так, как хочешь ты. Только поехали со мной...

— Я не хочу уезжать.

—...Даже если мой старший брат вновь поведёт себя подло, то его лапы всё равно не дотянутся до порога моего дома... Подумай. Что ты только что сказал?

Юн Ци опустил голову и посмотрел на ноги.

Юноша и сам не знал, что только что сказал.

Без каких-либо мыслей слова так легко сорвались с уст, словно были стружкой дыма.

В голове перемешались вопросы, которым конца и края не было: «Что случилось с Юн Шанем? Почему он неожиданно захотел, чтобы Юн Линь забрал его, Юн Ци, с собой?»

«Возможно, чувствует, что может что-то произойти? Или всё же он, Юн Ци, ему мешает, вызывает недовольство?»

«Или начал подозревать, что он, Юн Ци, в зале наследного принца станет заниматься постыдными вещами?»

Спрятанное письмо страшно жгло тело, казалось, он прятал не бумагу, а раскалённое клеймо. Как бы Юн Ци хотелось, чтобы это на самом деле оказалось клеймом, которое обожгло бы сердце и лёгкие, принося ему желанную смерть.

Однако если он умрёт, разве тогда матушка сможет выжить?

Подняв взгляд, юноша посмотрел на Юн Линя и спокойно проговорил:

— Я не пойду.

Юн Линь изумился. Но как только удивление прошло, юноша внезапно выплеснул гнев, который до этого пытался сдержать:

— Почему?

— Юн Шань действительно хорошо относится ко мне. И мне здесь лучше всего.

— Лучше всего? — зарычал Юн Линь и большими, словно у тигра, глазами посмотрел на Юн Ци, а затем, скрежеща зубами, тихо произнёс: — Старший брат, ты не глупый, просто тебя опоили лекарством. Видишь, ты уже начал бредить?

— Что? — Юн Ци был поражён.

— Любовный напиток, это любовный напиток! Мы узнали, что он каждый день давал тебе его, чтобы ты был очарован и совершенно не был похож на прежнего себя.

— Нет... Юн Шань не мог...

— Чушь! Я разузнал рецепт. Скажи ещё раз, что он не мог. — Юн Линь пылал гневом: — Ты сам подумай, с тех пор, как ты здесь оказался, ты замечал какие-нибудь симптомы прописанного тебе лекарства? Совершал что-то, теряя контроль над собой?

— Не мог, не мог, — продолжал качать головой Юн Ци, однако по лицу было видно, что юноша был уже не так уверен, как раньше.

Он вспомнил ту бессонную ночь, вспомнил жар, который впервые в жизни охватывал его тело и бёдра, вынуждая успокоить член и потерять лицо. Юн Шань ещё шутил, что у каждого мужчины может быть такое.

Любовный напиток?

Чем больше Юн Ци думал об этом, тем больше верил. Сердце словно оборвалось, место, где было спрятано письмо, до этого пылало, однако сейчас внезапно превратилось в один тяжёлый кусок льда, который охватывал тело, вызывая дрожь.

В таком случае, этот человек отравлял его!

Вместе с этим, его слова были тёплыми, в них чувствовалась защита, они дарили счастье, заставляли верить во всё, что угодно, однако, как оказалось, его постоянно травили!

Подвергшись действию яда, он попал в неловкое положение, а он, Юн Шань, притворяясь ласковым и нежным, успокаивал его.

Юн Шань...

Юн Ци в душе тихо произнёс его имя, а перед глазами всё закачалось, и, внезапно ослабев,

юноша спиной ударился о стену галереи.

— Старший брат! — Юн Линь спешно вытянул руку, желая поддержать.

Но Юн Ци легонько покачал рукой и, бессильно опираясь на стену галереи, стал задыхаться.

Голова шла кругом, юноша поднял руку и слегка прикрыл рот, больше всего боясь, что его нечаянно стошнит.

Увидев, что происходит, Юн Линь забеспокоился. Испытывая крайнее волнение, юноша позвал:

— Старший брат? — Внезапно Юн Линь отвесил себе пощёчину и умоляюще проговорил: — Я сказал, не подумав, дурная привычка, старший брат, не сердись.

В душе Юн Ци было пусто, словно всё, что было в груди, раздробили, оставив лишь горстку зольной пыли. Он никаким образом не хотел верить, что Юн Шань травил его, опаивая лекарством. Только было совершенно ясно — это правда.

Прекратив сжимать то место, где было спрятано письмо, Юн Ци посмотрел на двор, что был укрыт толстым слоем белого снега, который скрывал неизвестно сколько грязи.

— Не надо больше слов, я всё понял, — тихо проговорил юноша.

Было слишком больно, но, вопреки этому, смятение и тягость разом исчезли, как и все чувства.

Юн Ци медленно выпрямился:

— В таком случае я поеду с тобой.

Юн Линь обрадовался и хотел было открыть рот, но старший брат оборвал его и сделал шаг вперёд со словами:

— Только сначала мне нужно встретиться с матушкой.

Юн Линь оказался в затруднительном положении:

— Наложница Ли в Холодном дворце, и с ней нельзя видеться, когда вздумается. Старший брат потерпит немного, как приедем ко мне, мы что-нибудь придумаем, хорошо?

— Мне ничто не мешает. — Юн Ци горестно улыбнулся: — Юн Шань сказал, что мне можно встретиться с матушкой. Он всё тщательно продумал, и дал мне записку, в которой отдал приказ.

Войдя в свои покои, юноша открыл выдвижной ящик и достал тот самый приказ, написанный рукой Юн Шаня. Затем Юн Ци вышел на улицу и обратился к Юн Линю:

— Пойдём, составишь мне компанию.

Младший брат, конечно же, не мог отказаться и вместе со старшим покинул зал наследного принца.

Юн Линь со стороны бросил взгляд на императорский дворец, что был облачён в серебряный наряд. Какое же величественное зрелище. И вновь обеспокоенно сказал Юн Ци:

— Старший брат слаб здоровьем, и ему нельзя гулять в такую снежную погоду. Я могу позвать Чан Дэфу и приказать, чтобы подали закрытый паланкин.

Но Юн Ци, вопреки обыкновению, холодно проговорил:

— Тебе можно гулять в снежную погоду, так почему же мне нельзя?

Смело спустившись по лестнице, юноша сделал шаг, ступил по мелкому снегу и направился вперёд.

Прожив с Юн Ци довольно длительное время, Юн Линь впервые видел старшего брата таким. Юноша чувствовал лёгкое беспокойство и в душе раскаивался, что рассказал про любовный напиток.

Никто не мог вынести подобного, а что уж говорить о Юн Ци?

Тайно обзывая себя идиотом, юноша осторожно следовал за старшим братом.

И вот наконец они подошли к Холодному дворцу. Юн Ци вынул записку Юн Шаня, охрана внимательно прочла её и тотчас же пропустила молодых людей.

Юн Линь уже готов был последовать за старшим братом, однако Юн Ци не позволил:

— Я скажу матушке пару слов и сразу выйду. Подожди меня пока снаружи.

Юноша так же, как и в первый раз, вошёл в Холодный дворец, где по-прежнему царили

мёртвая тишина и уныние, от которых трепетало сердце. Немного пройдя вперёд, Юн Ци дошёл до комнаты, где жила наложница Ли, и уже хотел было перешагнуть порог, как из комнаты кто-то внезапно выскочил.

Оказалось, это была верная служанка матушки — Цин И.

Она выскочила со слезами на глазах. Опустив голову и вытирая слёзы, служанка совершенно не видела, куда бежит, и почти натолкнулась на Юн Ци, который её поддержал. От прикосновений юноши служанка испугалась, но, подняв глаза и увидев, что это Юн Ци, Цин И тотчас же удивилась и обрадовалась:

— Ваше Высочество, Вы пришли?

Юноша слегка кивнул.

Служанка, сказав: «Хвала Небесам», вновь разразилась слезами, сквозь которые улыбнулась:

— Это очень кстати, госпожа наконец-то спасена.

Юн Ци испугался:

— Что-то случилось с матушкой?

— У Благородной появились трудности, она отправила своего человека, чтобы тот стал карой небесной и уничтожил госпожу. — Цин И вытерла слёзы и процедила сквозь стиснутые зубы: — Госпожа несколько дней проболела. Я несколько раз бегала искала придворного лекаря, но никто не отозвался. Снег шёл не переставая, и за эти дни нам пришлось сжечь почти весь уголь, и ночью огонь погас. В таком холодном месте нет жизни, несчастная госпожа, золотая драгоценная яшма...

Не дожидаясь, пока служанка договорит, Юн Ци бросился в комнату.

Это место было совершенно несоизмеримо с дворцом наследного принца, где всегда горела печка и был проведён подземный туннель. В комнате было ещё холоднее, чем на заснеженной дороге. Крохотный свет, едва проникавший внутрь, помог сразу же увидеть болезненное лицо лежащей на кровати наложницы Ли.

— Матушка! — прокричал Юн Ци, бросился к женщине и опустился на колени возле кровати. В носу защипало, а на глазах появились слёзы.

Прикоснувшись к одеялу, которым была укрыта наложница Ли, юноша не почувствовал тепла. Ему казалось, что он трогает холодный кусок льда.

Лежащая в кровати женщина задрожала и внезапно спросила:

— Юн Ци? Ты пришёл? — Открыв глаза, она посмотрела на юношу, убеждаясь, что перед ней действительно её сын. На красивом и бледном лице проскользнула тень удивления.

— Матушка, Юн Шань не присылал тебе тёплую постель? Почему я её здесь не вижу?

— Постель? — Держа одеяло и руку сына, наложница Ли села и горько улыбнулась: — Вероятно, люди наложницы Шу не позволили внести её сюда. В конце концов эта женщина не успокоится, пока не увидит мою смерть.

Примечания:

[1] Традиционный китайский орнамент в виде сплетающихся веток растений и цветов.

[2] Обр. в знач.: 1) положение может измениться к худшему; 2) упустить время, упущенное не наверстаешь.

<http://bllate.org/book/13372/1189599>